

**НАУЧНЫЕ СВЯЗИ СССР И ВЕЛИКОБРИТАНИИ
В 1931 – 1939 ГГ.**

Академия управления при Президенте Республики Беларусь
(Поступила в редакцию 05.04.2011)

Развитие отношений между странами в наши дни основывается на исторических традициях не только политических, экономических, но и культурных связей, которые в XX веке нашли отражение в самых разнообразных фактах, событиях, явлениях. Характер этого определялся и негативными, и положительными результатами: как жестокими и трагическими испытаниями, так и стремлением к преодолению всего отрицательного, что мешало созданию фундамента примирения и сотрудничества между странами и народами.

Культурные и научные межгосударственные связи следует рассматривать как демократическую тенденцию в дипломатической деятельности. Это проявляется, в частности, во вторжении в сферу международной политики большого количества деятелей науки и культуры в прямой и косвенной форме, по-новому ставит вопрос о формах и методах дипломатической работы. Теперь уже мало осуществлять ее только через традиционные «дипломатические каналы»; ее надо подкреплять другими акциями, которые могут влиять непосредственно на общественное мнение, широкие массы.

На примере англо-советских научных связей в 30-е гг. XX в. наиболее рельефно прослеживаются сложность и противоречивость такого сотрудничества, поскольку в его орбите оказались страны двух противоположных социально-политических систем. В результате взаимодействие советских и английских ученых приобрело в этот период своеобразные формы и пути осуществления.

Первые контакты между учеными Англии и советской России были установлены в 1920 г. после посещения Москвы Г. Уэллсом. Знаменитый фантаст по просьбе М. Горького организовал посылку партии научной литературы ученым Петрограда. В 1922 г. секретарю Российской академии наук С.Ф. Одельбургу удалось договориться об организации регулярного обмена изданиями РАН с научными учреждениями Англии [24, с. 203]. Это были первые шаги на пути к сближению Великобритании и советской России в области науки.

Стремительное возрастание роли науки в решении экономических и общегосударственных задач в СССР ставило вопрос о международном сотрудничестве довольно остро. Особенно актуально это было во время проведения индустриализации, когда необходимость внедрения новых технических разработок все больше вынуждала советское государство идти на сотрудничество в области науки с западными странами, более развитыми в этом отношении. Такая заинтересованность нашла отражение в ряде государственных документов. Так, в обращении Научно-технического управления (НТУ) Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) ко всем подведомственным учреждениям и работникам в 1926 г. отмечалось: «НТУ ставит себе задачей дальнейшее расширение дела изучения достижений заграничной техники и ознакомления с ними для применения в практике нашего производства...» [33, с. 104]. Подобная позиция властей сохранялась и в первой половине 1930-х гг. Так, член Президиума ВСНХ Н.И. Бухарин на одном из заседаний Академии наук подчеркивал

необходимость научного сотрудничества советских ученых с иностранными коллегами, заявляя о том, что это будет способствовать не только ускорению темпов научного прогресса, но и росту престижа СССР за рубежом [28, с. 159 – 160].

Сотрудничество в области науки рассматривалось как часть культурных связей и соответственно должно было подчиняться основным целям внешней культурной политики Советского Союза. В первую очередь оно было призвано решать задачи активного распространения в Англии информации о преимуществах советской науки и тем самым способствовать росту интереса британских научных кругов к СССР. Это должно было помочь склонить британское общественное мнение в пользу Советского Союза. Так, на заседании Академии наук М.И. Рубинштейн в своем выступлении подчеркивал, что необходимо гораздо более широким фронтом выйти за пределы СССР по линии науки. «За границей, – отмечал ученый, – в особенности в научной среде, знают о нас в области экономики, знают об отдельных экспериментальных и технических достижениях наших научно-исследовательских институтов, но <...> не имеют ни малейшего представления о теоретической работе, которая ведется у нас» [46, л. 15]. Исходя из подобных выступлений, неоднократно делались выводы о необходимости организации Академией наук работы по воздействию на зарубежную научную интеллигенцию. Однако главная роль в решении этой задачи отводилась научно-техническому сектору Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС), который совместно с научной секцией английского Общества культурных связей с СССР (ОКС) занимался популяризацией в Великобритании достижений советской науки и техники путем проведения лекций, бесед, а также публикации статей советских ученых на страницах своего журнала или предоставления материалов для печати в английских изданиях.

На протяжении 1930-х гг. на фоне возросшего внимания со стороны английской интеллигенции к СССР сохранялся и интерес ученых Великобритании к достижениям советских коллег. В первую очередь это касалось таких ученых, как И.П. Павлов, Н.И. Вавилов, А.Ф. Иоффе, А.П. Карпинский, И.Е. Тамм и других, которые жили и работали в СССР, привлекая своими открытиями внимание всего научного мира. Например, известный английский физиолог Дж. Баркрофт отмечал: «Профессор И.П. Павлов был общепризнанным старшиной физиологов... Хотя он лично малоизвестен Англии, его имя, благодаря его трудам по пищеварению, приобрело силу авторитета в этой стране» [4, с. 267]. Г. Уэллс, встречавшийся с И.П. Павловым в 1934 г., писал: «Исследования, которые ведутся в новом институте физиологии под Ленинградом, одни из самых значимых в мире. Репутация И.П. Павлова способствует престижу Советского Союза, который обеспечивает его всем необходимым для науки» [10, с. 31].

Немаловажную роль в усилении интереса англичан к советской науке играла и британская пресса. Например, журнал «Нейчур» (крупнейшее научное издание Великобритании) регулярно публиковал сведения о научной работе в СССР, давало рецензии на издания трудов советских ученых, помещал на своих страницах и некоторые их статьи.

Кроме того, в Британии выходили и книги о положении науки в Советском Союзе, такие как «Наука в СССР» Дж. Краутера и одноименное исследование Дж. Хаксли, содержащие в основном лишь благоприятные отзывы. Данная оценка, на наш взгляд, являлась следствием недостаточно критического анализа положения дел в Советском Союзе по причине отсутствия у авторов объективной

информации. Подобные публикации в большинстве случаев основывались на впечатлении от посещения Союза, а также на материалах, полученных от ВОКС или полпредства. При этом необходимо отметить, что и объекты показа, и материалы, отправляемые за рубеж, тщательно отбирались. Поэтому иных отзывов быть и не могло. Однако эти публикации во многом содействовали развитию научного сотрудничества.

Таким образом, можно утверждать, что в первой половине 1930-х гг. заинтересованность английской и советской стороны во взаимном научном обмене сохранялась. Тем не менее, возможности осуществления такого сотрудничества в отмеченный период были несколько ограничены. С одной стороны, сказывались опасения правых сил Великобритании, что пропаганда достижений советской науки может стать каналом для распространения идей коммунизма, а с другой – политика руководства СССР, направленная на изоляцию советского общества от враждебного «капиталистического окружения». Так, в 1929 г. было установлено, что вопрос об участии Советского Союза в созываемых за границей международных съездах должен решаться непосредственно Советом народных комиссаров СССР (СНК СССР), а разрешение на длительные зарубежные командировки могло давать лишь Политбюро ЦК ВКП(б) [19, с. 457].

Негативное влияние оказывала и напряженность в англо-советских политических и экономических отношениях. В этих условиях процесс научного сотрудничества между двумя странами в 30-е гг. XX в. происходил менее активно, чем в предшествующий период.

Значительным событием в развитии связей ученых Англии и СССР в начале 1930-х гг. явился II Международный конгресс по истории науки и техники, проходивший в Лондоне в июне – июле 1931 г. В его работе принимали участие и представители Академии наук СССР: Н.И. Бухарин, А.Ф. Иоффе, Н.И. Вавилов, В.Ф. Миткевич, М.И. Рубинштейн, Э. Кольман, Б.М. Завадовский и Б.М. Гессен, которые выступили с докладами по проблемам развития современной науки. В рамках работы форума был организован «советский день», на котором советские ученые могли более детально остановиться на вопросах, затронутых в их выступлениях, таких как «Наука и техника с точки зрения диалектического материализма» (Н.И. Бухарин), «Динамические и статистические закономерности в физике и биологии» (Э. Кольман), «Проблемы происхождения мировой агрокультуры в свете новейших исследований» (Н.И. Вавилов), «Работа Фарадея и новейшее развитие применения электрической энергии» (В.Ф. Миткевич) и др. Эти сообщения были подготовлены к печати за несколько дней до выступления советских ученых на конгрессе и изданы под общим заглавием «Наука на распутье». Необходимо подчеркнуть, что многие доклады советской делегации носили ярко выраженную политическую окраску. Н.И. Бухарин на заседании Академии наук СССР впоследствии отмечал: «У нас было единое выступление делегации <...> причем не только по специальным вопросам, но и по вопросам, которые имели солидное, ярко выраженное политическое острие» [28, с. 158]. Целью подобных выступлений являлся не столько научный обмен информацией, сколько пропаганда идей марксизма-ленинизма, а также преимуществ социалистического строя над капиталистическим. В.И. Вернадский в 1932 г. в своем дневнике отмечал, что эти доклады, за небольшим исключением, являлись трафаретными и слабыми, лишенными всякой творческой мысли. «Статьи М.И. Рубинштейна, – продолжал Владимир Иванович, – дают резко неправильную картину о высоком положении науки в нашей стране... Мы переживаем ее разгром

при огромном количестве талантливых людей» [31, с. 116]. Английская общественность в целом положительно отнеслась к выступлениям ученых из СССР. Либеральная «Манчестер Гардиан» отмечала, что «...позиция советских делегатов, которые прибыли с докладами по различным отраслям истории науки, имеет большой общественный интерес» [49]. Однако несколько докладов, как, например «Взаимодействие науки, техники, экономики при капитализме и в Советском Союзе» (М.И. Рубинштейн), до выступления допущено не было.

Большое значение с точки зрения связи советских и британских научных миров в рамках конгресса имела поездка советской делегации в Кембридж, где удалось ознакомиться с работой некоторых физических и физиологических лабораторий, а также с помощью делегатов конгресса установить связи с рядом крупных ученых Великобритании, таких как Э. Резерфорд, Дж. Томсон, Ф. Астон, А. Эддингтон, М. Добб, П. Блекэтт и др. [28, с. 157].

Немаловажную роль в деле активизации отношений двух стран в области науки играло и полпредство СССР в Англии. В июле 1931 г. оно организовало прием для английских и советских ученых, приехавших на конгресс, на котором присутствовали около 250 – 300 человек [46, л. 147]. Необходимо отметить, что советское посольство впервые устраивало подобное мероприятие для английских научных кругов. Это позволило представителям двух стран установить более тесные научные связи.

Таким образом, можно заключить, что участие советской делегации в конгрессе рассматривалось руководством СССР скорее как канал пропаганды преимуществ советской системы, нежели как средство решения научных проблем. Вместе с тем конгресс явился хорошей площадкой для установления более тесных связей непосредственно между советскими и английскими учеными.

В рассматриваемый период стали регулярными контакты в области сельскохозяйственных наук. Еще в 1920-е гг. всемирную известность приобрела многогранная деятельность выдающегося советского ученого Н.И. Вавилова. В 1930-е гг. его авторитет как лидера советской биологии оставался неоспоримым, кроме того, Николай Иванович придавал огромное значение укреплению международного сотрудничества, развитию контактов, которые помогали бы решать научные задачи. В эти годы он вел активную переписку с британскими биологами и представителями сельскохозяйственной науки Р.О. Уайтом, Э.Дж. Расселом, М.Б. Таррелом, Г. Хантером, А.Д. Холлом, А.У. Хиллом, Дж.С. Хаксли и другими [5, с. 21, 23, 28, 30, 36, 46, 52, 67, 73, 90, 106, 118, 154, 167, 170, 209, 267, 390; 6, с. 12, 20, 23, 26, 42, 59, 69, 90, 122, 176, 229].

В начале 1930-х гг. при участии Н.И. Вавилова были установлены тесные связи между Всесоюзной академией сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ), Всесоюзным институтом растениеводства (ВИР), Научно-исследовательским институтом масленичных культур и Имперским бюро генетики растений в Аберистуите, Королевским ботаническим садом в Кью, сельскохозяйственной школой Кембриджского университета, Институтом садоводства Джона Иннеса, Королевским колледжем в Лондоне и другими [5, с. 28, 52, 154, 390; 6, с. 23, 69, 122].

Суть сотрудничества сводилась в основном к обмену публикациями научных центров, помощи друг другу в поисках необходимой информации. Так, сотрудник Королевского ботанического сада в Кью М.Б. Таррелл консультировал Н.И. Вавилова и его сотрудников по вопросам особенностей флоры Индии [5,

с. 44]. В обмен ВАСХНИЛ предоставляла английскому коллеге информацию о происхождении культурных растений в Америке [5, с. 174].

Британские ботаники оказывали помощь ВАСХНИЛ и ВИР в работе по сбору коллекции культурных растений. В 1934 г. сельскохозяйственная школа Кембриджского университета выслала в СССР полную коллекцию индийских пшениц (400 сортов) с географическим и экологическим описанием, также были высланы семенные материалы и культурные растения, выращиваемые в Великобритании и ее доминионах [6, с. 13, 103, 229].

В сфере сельскохозяйственных наук широким был обмен научными изданиями. В Англию регулярно высылали публикации ВАСХНИЛ и других институтов, а также некоторые монографии советских ботаников в обмен на аналогичные английские издания, в том числе «Флора тропической Африки», «Энциклопедия сельского хозяйства», информационные бюллетени относительно кормовых растений и их селекции, рефераты новейшей литературы, вышедшей в Великобритании и ее доминионах [5, с. 36, 44, 170].

Полезным являлся и обмен взаимной информацией между старейшей в Европе Ротемстедской опытной станцией в Харпендере и Почвенным институтом Академии наук СССР, а также Центральной торфяной станцией, которая посылала в Англию «Вестник торфяного дела». Абхазская опытная станция обменивалась литературой по энтомологии с Имперским институтом ботаники, Британским музеем естественной истории, Имперским бюро энтомологии в Лондоне и Ливерпульским университетом [36, л. 1 – 17]. Британская ассоциация хлопка сотрудничала с Прикумской станцией разведения этого вида технической культуры [22, с. 162].

Научные связи имелись также в области зоологии. Имперское бюро генетики животных в Эдинбурге периодически получало материалы советских научных центров по этой проблеме, имело тесные связи с Тимирязевской академией [9, л. 74об].

Немаловажную роль играло и посещение СССР английскими биологами, в том числе профессором Королевского колледжа Лондонского университета Дж.С. Хаксли и сотрудником сельскохозяйственного общества Х.Х. Менном. Они не только ознакомились с постановкой работы и достижениями научно-исследовательских учреждений СССР в этой сфере, но и обменялись информацией по интересующим их вопросам, а также обсудили планы дальнейшего сотрудничества [9, л. 75; 5, с. 46; 6, с. 122].

В 1934 г. в Англии находился академик Д.Н. Прянишников, где изучал деятельность Ротемстедской центральной опытной станции и других научных учреждений Великобритании [14, л. 145 – 148]. Результатом этой поездки явилось новое издание курса по агрохимии, в котором большое внимание уделялось постановке научно-исследовательской работы на ведущей в Европе опытной станции [1, с. 114 – 115; 14, л. 6, 145 – 148].

В первой половине 30-х гг. наиболее активно осуществлялся обмен в области физики и химии. Директором Физико-технического института АН СССР академиком А.Ф. Иоффе были установлены контакты с крупнейшими физиками мира. Будучи членом международного комитета Сольвея, ученый дважды (в 1924 и 1933 гг.) участвовал в работе Сольвеевских конгрессов, где обсуждались узловые проблемы физики, и во многом способствовал привлечению лучших представителей физической науки к сотрудничеству с Советским Союзом, в том числе и английских, таких как Дж. Томсон, Э. Резерфорд, В.Г. Брэгг и В.Л. Брэгг

П. Блекэтт, П. Дирак, Н.Ф. Мотт и др. [17, с. 97 – 102]. В июле 1931 г. А.Ф. Иоффе посетил Великобританию, где выступил на конгрессе по истории науки и техники, а также на биологическом съезде с докладом о лучах Гуревича, которые удалось обнаружить в СССР при помощи физического метода, что вызвало значительный резонанс в научных кругах Великобритании. Кроме того, в Кембридже академик А.Ф. Иоффе сделал ряд докладов о работах советских физиков [44, с. 501]. В том же году в Англии находился профессор Московского государственного университета И.Е. Тамм, который совместно с П. Дираком вел исследования в области квантовой механики [11, с. 158 – 162].

В течение тринадцати лет, с 1921 г., в Кембридже работал советский ученый П.Л. Капица. В 1929 г. он стал членом Лондонского королевского общества. В знаменитой Кавендишской лаборатории лауреата Нобелевской премии, известного физика Э. Резерфорда П.Л. Капица впервые наблюдал искривление треков альфа-частиц, предложил импульсный метод получения сверхсильных магнитных полей, открыл закон зависимости электрического сопротивления ряда металлов от напряженности магнитного поля. Исследования свойств металлов в сильных магнитных полях привели П.Л. Капицу к необходимости перенести эти исследования в область низких температур. Э. Резерфорд поддержал планы своего ученика и добился крупных субсидий на эти исследования. В результате в Кембридже была построена специальная лаборатория им. Монда Лондонского королевского общества, которую возглавил П.Л. Капица. Именно в ней 19 апреля 1934 г. он получил жидкий гелий на созданной им установке [7, с. 16]. Кроме того, физик регулярно посещал СССР, где выступал с лекциями в различных учреждениях, он являлся также постоянным консультантом Украинского физико-технического института в Харькове (УФТИ).

Значительным событием англо-советского научного сотрудничества в области физики была I Всесоюзная конференция по атомному ядру, проходившая в 1933 г. на базе Ленинградского физико-технического института. Англию на этом форуме представляли П. Дирак и Р. Пайерлс [29, с. 54].

Интенсивный обмен шел и в области астрофизики. Например, Пулковская обсерватория посылала научную литературу на взаимной основе обсерваториям в Гринвиче, Кембридже, Оксфорде, Эдинбурге, Ливерпуле, Глазго, философскому обществу в Кембридже, Королевскому астрономическому обществу в Лондоне и Эдинбурге, Астрономическому обществу в Лондоне и др. [37, л. 54 – 55].

Развивалось научное сотрудничество и в области медицины. В июле 1931 г. в СССР прибыла большая делегация английских ученых, в состав которой входили и медики. Они посетили Ленинград, Москву, ознакомились с институтами Академии наук, лабораториями И.П. Павлова и некоторыми медицинскими учреждениями [38, л. 120]. В сентябре того же года в Англии в графстве Шордич прошла неделя советского здравоохранения.

В первой половине 1930-х гг. важной формой научного общения являлись командировки советских ученых в Англию для работы в научных учреждениях, лабораториях, библиотеках и т.д. Так, например, летом и осенью 1933 г. академик В.И. Вернадский по приглашению Британской ассоциации наук работал в Англии над проблемой биохимической энергии жизни в земной коре [8, с. 328; 14, л. 145 – 148; 32, л. 1]. В том же году академик А.А. Рихтерзнакомился с постановкой работ по агрофизиологии, сотрудник Института по изучению платины и других благородных металлов АН СССР И.И. Черняев изучал оптическую деятельность комплексных соединений в лабораториях профессора Ф.Г. Макка, его коллега

О.Е. Звегинцев ознакомился с организацией работы по обработке платиновых концентратов и руд на заводах Актон и Джонсон Маттей [14, л. 84, 145 – 148]. В 1934 г. ассистент академика И.П. Павлова И.О. Розенталь в лаборатории профессора Дж. Баркрофта в Кембридже работал над экспериментом по изучению вегетативных компонентов неврозов, а Э.А. Асратян 6 месяцев находился в Ливерпуле, где изучал некоторые вопросы физиологии нервной системы в лаборатории Ширрингтона [1, с. 163 – 164; 15, л. 5; 16, л. 170 – 172]. Кроме того, в научных центрах Великобритании трудились академики А.А. Борисяк, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, научные сотрудники АН СССР М.А. Бендецкий, В.Г. Кузнецов и др. [12, л. 3 – 3об; 16, л. 99, 170 – 172].

В то же время в Украинском физико-техническом институте над проблемами атомного ядра работал профессор П. Блекэтт [42, л. 7, 11]. В Советский Союз приезжали физик Дж. Кроутер; профессор медицины Гейтер; зоолог, профессор Брайс; историк и общественник Г. Ласки и др. [9, л. 56, 75; 34, л. 36, 65; 42, л. 7]. Они высоко оценили достижения советской науки.

Весной 1934 г. произошло принципиально важное изменение в организации международных научных связей СССР. В принятом 7 мая 1934 г. постановлении Политбюро «О командировках за границу» всем народным комиссариатам и организациям запрещалась без санкции комиссии ЦК посылка за рубеж каких бы то ни было представителей и делегаций [1, с. 15]. Документы Политбюро ЦК ВКП(б) свидетельствуют об усилении политики советского руководства, направленной на ограничение международных научных связей крупнейших советских ученых. Так, в 1934 г. Политбюро отклонило просьбу А.Ф. Иоффе о поездке за рубеж, в том числе и в Англию, для работы в научных центрах и участия в ряде конференций по атомному ядру, стал невыездным и Н.И. Вавилов [1, с. 148 – 149, 152]. Кроме того, советские власти не разрешили вернуться в Англию приехавшему в СССР в отпуск П.Л. Капице. Это вызвало возмущение в научных кругах Великобритании, особенно Э. Резерфорда и других физиков Кембриджского университета. В конце апреля 1934 г. в газете «Ньюз кроникл» появилась статья «Кембридж получил удар от Советов: известный русский ученый отозван», содержащая интервью с учителем П.Л. Капицы, который выразил свое негодование по поводу решения властей СССР [18, с. 79]. Однако позиция советского руководства была неизменна. Оно отвечало на неоднократные запросы Э. Резерфорда о причинах подобного шага тем, что П.Л. Капица и его работы необходимы Советскому Союзу в условиях индустриализации страны [39, с. 383]. Из донесений, содержащихся в личном деле Петра Леонидовича, видно, что советское руководство особо интересовало технические разработки ученого, а также возможность его привлечения для консультаций промышленных предприятий [25, л. 5 – 7].

23 декабря 1934 г. было издано постановление о создании в Москве Института физических проблем, директором которого стал П.Л. Капица. Оборудование для института, включая построенные Петром Леонидовичем установки, было закуплено советским правительством в Англии при помощи Э.Резерфорда [39, с. 467].

Результатом подобной политики властей СССР стало сокращение количества командировок советских ученых для работы в научных центрах Запада. Основной формой международных научных контактов явилось участие представителей советской науки в международных конференциях и конгрессах. Однако необходимо подчеркнуть, что на протяжении 1934 – 1935 гг. это еще

незначительно сказалось на англо-советских научных связях. Благоприятный фон для такого сотрудничества создавало «потепление» в политических и экономических отношениях двух стран. Кроме того, Советский Союз был все еще заинтересован в развитии научного обмена с Англией.

В этот период прошли многочисленные встречи ученых обеих стран, в ходе которых решались многие научные проблемы, проходил активный обмен информацией и опытом, в том числе и во время работы международных научных форумов, активно проводившихся как в Англии, так и в СССР.

Широкие возможности для встреч советских и английских почвоведов предоставлял проходивший в Оксфорде в августе 1935 г. II Международный конгресс почвоведов, на который прибыли 6 советских ученых: А.А. Ярилов, Д.Н. Прянишников, Б.Б. Польшов, О.К. Кедров-Зихман, В.А. Ковда, Л.И. Прасолов [12, л. 36; 20, с. 9 – 10; 35, л. 30]. Советской делегацией был сделан ряд докладов. Так, Д.Н. Прянишников изложил итоги своих исследований по вопросу об условиях аммиачного питания растений, академик Л.И. Прасолов рассказал о результатах работ по составлению новой почвенной карты СССР. Член-корреспондент АН СССР Б.Б. Польшов выступил с сообщением «О принципах генетической классификации почв», ознакомив участников конгресса с воззрениями советских почвоведов на почву как вечно меняющуюся систему [20, с. 10 – 21]. Большую роль в расширении сотрудничества в этой области сыграла экскурсия советских ученых вместе с остальными участниками конгресса по ведущим научным учреждениям Англии, занимающимся проблемами почвоведения.

В рамках конференции прошла выставка научной литературы по тематике конгресса, на которой Советский Союз был представлен несколькими выпусками «Трудов» Института почвоведения АН СССР им. Докучаева, Научного института удобрений, а также изданиями советской секции Международной ассоциации почвоведов [20, с. 11].

Не менее важным для развития англо-советского научного сотрудничества являлся II Неврологический конгресс в Лондоне (1935 г.), на котором советскую делегацию возглавлял И.П. Павлов. Он выступил с докладом о типах высшей нервной деятельности, а также дал пресс-конференцию для английских средств массовой информации, в ходе которой ответил на вопросы о состоянии науки в СССР и подробно объяснил свою теорию темпераментов [26, с. 176 – 177].

Советские ученые также принимали участие в IV Международном конгрессе по теоретической и прикладной механике (Кембридж, 1934 г.), VI Международном конгрессе по научной организации труда (Лондон, 1935 г.), Международной конференции деятелей просвещения (Оксфорд, 1935 г.) и других форумах, проходящих в Великобритании [1, с. 142, 148 – 149; 12, л. 48, 60 – 60об; 27, с. 147; 46, л. 31].

Научные работники из СССР приглашались и на заседания английских обществ и проводимые ими юбилеи. Так, например, академик А.Н. Фрумкин был первым советским представителем на собрании Фарадеевского общества (1934 г.), посвященном вопросу о коллоидах [27, с. 34]. Президент Академии наук А.П. Карпинский участвовал в праздновании по поводу 100-летия английской геологической службы и открытия нового Музея практической геологии в Лондоне [1, с. 175; 35, л. 30]. В ходе конгрессов и собраний отдельных обществ советские ученые провели много встреч и бесед со своими английскими коллегами.

Международные форумы проводились и в СССР. Наиболее заметным из них был XV Международный физиологический конгресс, проходивший в Москве и Ленинграде в 1935 г., где английская делегация являлась одной из наиболее многочисленных, в состав которой входили известнейшие физиологи Великобритании, такие как Дж. Баркрофт, А. Хилл и Э. Эдриан [10, с. 43; 23, с. 21 – 30]. Британские физики П. Дирак, К.Дж. Дуглас, Г. Эрнст, У.А. Вустер и другие принимали участие во II Всесоюзной конференции по атомному ядру [11, с. 133 – 135].

Довольно плодотворной формой сотрудничества оставались индивидуальные контакты советских и британских ученых. Так, с 1927 г. физиохимик Н.Н. Семенов сотрудничал с английским ученым С. Хиншелвудом в исследовании механизма химических реакций¹. Тесные научные связи со своими английскими коллегами поддерживали П.Л. Капица, И.Е. Тамм, А.Ф. Иоффе, Д.В. Скобельцын, Н.И. Вавилов, А.П. Карпинский и другие.

Наглядным свидетельством авторитета советской науки в Англии и стремления британских ученых к более активному сотрудничеству с советскими коллегами стало избрание наиболее выдающихся из них действительными или почетными членами научных обществ Великобритании. С.Н. Виноградский и П.Л. Капица являлись действительными членами Лондонского королевского общества, академик А.А. Белопольский – членом Лондонского королевского астрономического общества, а профессор Г.А. Шайн в 1937 г. стал членом-корреспондентом данного общества. Членами Британской морской биологической ассоциации в 1931 г. стали В.Г. Богоров и В.Г. Егоров, а академик Н.И. Вавилов – почетным членом Лондонского королевского садоводства. В 1933 г. академик И.П. Бардин стал членом Института железа и стали Великобритании, а в 1937 г. профессор А.Е. Ферсман был избран членом Лондонского геологического общества, а также награжден этим обществом медалью им. Улластона. Кроме того, И.П. Павлов являлся почетным доктором права Эдинбургского университета, почетным членом Королевского философского общества в Глазго, Королевского медицинского колледжа Лондонского университета, Лондонской королевской медико-психологической ассоциации, а также иностранным членом-корреспондентом Британской медицинской ассоциации [21, с. 16, 18, 23, 28, 33, 50, 59, 100 – 102, 138, 147]. В целом в 1932 г. 39 советских ученых являлись членами 14 научных обществ Великобритании, в 1933 г. эти данные составляли соответственно 59 и 16 [43, с. 329]. К концу 1930-х гг. советские ученые были членами около 20 английских научных обществ².

В свою очередь иностранными членами-корреспондентами АН СССР являлись А.С. Эддингтон, Ф.У. Астон, Э.С. Гудрич, Ф. Содди, А. Стейн, Ф.У. Томас, Дж. Джоли, П. Дирак, Д. Уотсон и другие. Ряд английских ученых были почетными членами АН СССР, в том числе Э. Резерфорд, Г. Харди, А. Вудворд, Р. Хедфилд, Ф. Хопкинс [2, с. 360, 375 – 379, 381 – 383, 402, 404, 407 – 409].

Самым широким каналом взаимного ознакомления английских и советских ученых с результатами исследовательской работы в 1930-е гг. являлся обмен научной литературой. Приобретение английских книг для научных учреждений СССР и продажа в Англии советских производились через торговую организацию

¹ В 1956 г. обоим ученым за эти исследования была присуждена Нобелевская премия.

² Подсчитано по: Корнеев, С.Г. Советские ученые – почетные члены научных организаций зарубежных стран / С.Г. Корнеев. – М., 1981. – С. 16, 18, 23, 28, 33, 50, 59, 100-102, 138, 147.

«Международная книга». Однако основным источником пополнения научных библиотек английскими изданиями оставался книгообмен. Причем из-за необходимости экономии валютных ассигнований его значение в 1930-е гг. заметно возросло. Вопросы книгообмена занимали большое место и в деятельности ВОКС.

Академия наук СССР через Бюро международного книгообмена (БЮК) получала 243 наименования английских научных периодических изданий в обмен на аналогичные издания учреждений Советского Союза, таких как «Вестник Академии наук», «Клиническая медицина», «Фронт науки и техники», «Советская хирургия» и др. [45, л. 4; 48, с. 86 – 87]. Кроме того, в Великобританию посылались журналы «Бюллетень экспериментальной биологии» и «Доклады Академии наук» на английском языке [45, л. 4, 17].

Активно осуществлялся обмен и другой литературой. Так, согласно документам ВОКС, за 1934 г. из Англии было получено 1813 книг, а отправлено 4086 [41, л. 60]. Причем большая часть этой литературы (не менее 60%) являлась книгами научного содержания³. Советские учреждения осуществляли обмен с 57 английскими научно-исследовательскими организациями, 41 научным обществом, 22 вузами, 13 правительственными учреждениями и библиотеками, 5 музеями и 27 редакциями научных журналов [41, л. 60]. В 1935 г. число английских научных корреспондентов, задействованных в книгообмене, увеличилось еще на 36 [40, л. 18]. Немаловажную роль продолжал играть и обмен литературой непосредственно между учеными и организациями.

Таким образом, в 1931-1936 гг. научные контакты между Великобританией и СССР оставались на довольно высоком уровне, хотя уже наметился постепенный спад активности в этой области, что было связано с политикой советского руководства, направленной на изоляцию страны от враждебного «капиталистического окружения».

Ухудшение англо-советских дипломатических отношений во второй половине 1930-х гг., а также массовые репрессии в СССР, когда естественные элементы научного взаимодействия – командировки за границу, переписка и встречи с иностранными коллегами – стали восприниматься в Советском Союзе как чреватые возможными обвинениями в шпионаже и антисоветской деятельности, сделали невозможным дальнейшее развитие советско-британского научного сотрудничества. В результате эта сфера значительно сузилась. О свертывании международных научных контактов Академии наук СССР наглядно свидетельствует тот факт, что из двенадцати предложений об участии советских ученых в международных конгрессах и конференциях в 1936 г. на Политбюро было внесено обсуждение только одного [1, с. 15].

Наряду с политическим курсом властей СССР на обособленность советского государства от капиталистического мира, на протяжении 1930-х гг. происходил процесс становления самодостаточности и изолированности самой советской науки. Появление различного рода научно-исследовательских учреждений со своими печатными органами ослабляло необходимость публиковаться за границей, а учитывая политическую обстановку в стране, подобная деятельность была крайне опасной. Более того, новое поколение советских ученых, пришедших в науку в конце 1920-х гг. и позже, недостаточно владело иностранными языками, особенно английским. В результате большая часть советских научных работников

³ Подсчитано по: ГАРФ. – Фонд 5283. – Оп. 3. – Д. 895. – Л. 57 – 60.

ко второй половине 1930-х гг. стали печататься в основном в СССР и очень мало публиковались в иностранных изданиях [3, с. 6 – 7].

С другой стороны, нагнетание в стране атмосферы всеобщей подозрительности, позволявшее советским «компетентным органам» беспрепятственно вмешиваться в деятельность отечественных научных центров, особенно в их зарубежные контакты, а также аресты советских ученых с мировыми именами едва ли стимулировали заинтересованность английского партнера в расширении научных связей с СССР.

Это не сказывалось лишь на научном книгообмене двух стран. Согласно отчету ВОКС книгообмен с Англией не только не уменьшился, а наоборот, увеличился. В 1936 г. было получено 3738 английских книг и журналов, 5444 – отправлено в Великобританию [13, л. 36], из которых научные составляли не менее 3568 и 5384 соответственно⁴. Из них первое место занимала литература по теоретической экономике (2221 экз.), второе – точным наукам (1261 экз.). Из Англии получено больше всего книг по технике (2008 экз.) [13, л. 39]. Однако советские власти старались пресекать проникновение «буржуазной пропаганды» в среду отечественных ученых. Цензура в отношении поступающей из-за рубежа научной литературы приобретала всеобъемлющий характер. В одном из своих писем академик В.И. Вернадский с горечью отмечал, что монополия «Международной книги» на закупку иностранной научной литературы приводит к длительным задержкам ее поступления адресатам, а цензура использует вырезки и зачеркивания, которые делают книгу навсегда дефективной, а «...дефективные книги теряют значительную часть своей ценности для научной работы» [30, с. 187]. В кругах ученых Англии работа «Международной книги» также вызывала недовольство. Например, В.А. Ковда, приехав из Великобритании, отмечал, что «почти ото всех собеседников в Англии приходилось слышать упреки в адрес «Международной книги», которая распространяет советскую научную литературу исключительно плохо и рассылает подписчикам периодические издания наших институтов с опозданием или пропусками» [20, с. 22].

К началу Великой Отечественной войны англо-советские научные связи были фактически свернуты. Заключение Пакта Молотова-Риббентропа в 1939 г., а также советско-финская война привели к дальнейшему падению имиджа СССР в глазах значительного числа английских ученых, которые все больше стали отказываться от сотрудничества с СССР. К тому же боевые действия в Европе, начавшиеся в сентябре 1939 г., сделали дальнейший обмен научной информацией невозможным. В результате связи в рассматриваемой области стали носить нерегулярный, эпизодический характер.

Таким образом, 1930-е гг. явились периодом постепенного свертывания англо-советского научного сотрудничества, что являлось следствием обострения политических отношений двух стран и ухудшения международной обстановки в целом, а также внутренней политики Советского Союза.

Англо-советский научный обмен играл важную роль в развитии национальных наук Великобритании и СССР. Причем необходимо отметить, что наиболее значительными являлись связи ученых двух стран в области физики и других технических наук. Достижения английских ученых в этих сферах имели большое значение для решения задач индустриализации советской страны. Внедрение технических разработок Кавендишской лаборатории Кембриджского

⁴ Подсчитано по: ГАРФ. – Фонд 5283. – Оп 10. – Д. 899. – Л. 25, 37, 49, 58.

университета, крупнейших физиков Великобритании способствовало развитию тяжелой промышленности СССР и особенно ее энергетической и электротехнической отраслей, которые в тот период находились на этапе своего становления.

Диалог ученых двух стран имел большое общественно-политическое значение. Пропаганда достижений советской науки способствовала росту интереса английских научных кругов к СССР, что в немалой степени помогало склонить общественное мнение Великобритании в пользу Советского Союза.

Основными формами научного обмена в рассматриваемый период можно назвать участие ученых обеих стран в международных форумах и конгрессах, проводимых как в СССР, так и Великобритании, работу представителей советской науки в английских научных центрах и наоборот. Однако наиболее предпочтительными оставались книгообмен и индивидуальные связи советских и английских ученых. Проведения совместных исследований были редкими.

Со второй половины 1930-х гг. наблюдается процесс резкого сокращения научного обмена между Великобританией и СССР, причиной чего стали в первую очередь усиление курса советского правительства, направленного на изоляцию государства от внешнего мира, а также становление самодостаточности советской науки. С другой стороны, падение престижа СССР в глазах британского общества имело следствием отказ ряда научных работников Великобритании от сотрудничества с советской страной.

Литература:

1. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, (1922 – 1991) / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории [и др.]; редкол.: Ю.С. Осипов [и др.]. – Т. 1: 1922 – 1952; сост. В.Д. Есаков. – М.: РОССПЭН, 2000 – 590 с.
2. Академия наук СССР. Персональный состав. Действительные члены-корреспонденты, почетные члены, иностранные члены. 1917 – 1974: в 2 кн. / Академия наук СССР. – Кн. 2. – М.: Наука, 1974. – 478 с.
3. Александров, Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности советской науки, 1914 – 1940 / Д.А.Александров // Вопросы истории естествознания и техники. – 1996. – № 3. – С. 3 – 24.
4. Баркрофт, Дж. Профессор И.П. Павлов – иностранный член Британского королевского общества / Дж.Баркрофт // И.П. Павлов в воспоминаниях современников; гл. ред. Е.М. Крепс. – Л.: Наука, 1967. – С. 267 – 269.
5. Вавилов Николай Иванович. Научное наследие в письмах: Международная переписка; под. общ. ред. Р.В. Петрова [и др.]; пер. с англ., фр., исп., ит., нем. В.А. Жукова [и др.]. – Т. 3: 1931-1933 гг.; отв. ред. Ю.П. Алтухов. – М.: Наука, 2000. – 585 с.
6. Вавилов Николай Иванович. Научное наследие в письмах: Международная переписка; под. общ. ред. Р.В. Петрова [и др.]; пер. с англ., фр., исп., ит., нем. В.А. Жукова [и др.]. – Т. 4: 1934-1935 гг.; отв. ред. С.В. Шестаков. – М.: Наука, 2001. – 321 с.
7. Василевский, И. Профессор П. Капица и его лаборатория / И.Василевский // Огонек. – 1936.– № 6. – С. 15 – 17.
8. Вернадский, В.И. Дневники: 1926 – 1934 / Рос. акад. наук, Комис. по разраб. науч. наследия В.И. Вернадского [и др.]; отв. ред. В.П. Волков. – М.: Наука, 2001. – 455 с.
9. Годовые и месячные отчеты с приложениями за 1932 г. // Гос. архив Рос. Федерации (ГАРФ). – Фонд 5283. – Оп. 3. – Д. 191.
10. Григорьян, Н.А. Иван Петрович Павлов. 1849 – 1936. Ученый. Гражданин. Гуманист. К 150-летию со дня рождения / Н.А.Григорьян – М.: Наука, 1999. – 312 с.
11. Дирак Поль и физика XX века: сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т истории естествознания и техники; сост. А.Б. Кожевников. – М.: Наука, 1990. – 221 с.
12. Докладные записки и переписка с ЦК ВКП(б)... о междунар. сотрудничестве (21.01.1934 – 13.01.1935) // Архив Рос. акад. наук (РАН). – Фонд 350. – Оп.1. – Д. 972.
13. Докладные записки, годовые планы. 1936 г. // Гос. архив Рос. Федерации (ГАРФ). – Фонд 5283. – Оп. 10. – Д. 900.

14. Заграничные командировки (1932 – 1933) // Архив Рос. акад. наук (АРАН). – Фонд 2. – Оп. 1/1933. – Д. 32.
15. Заграничные командировки (1932 – 1933) // Архив Рос. акад. наук (АРАН). – Фонд 2. – Оп. 1/1933. Д. 33.
16. Заграничные командировки (1934) // Архив Рос. акад. наук (АРАН). – Фонд 2. – Оп. 1/1934. Д. 21.
17. Иоффе, А.Ф. Встречи с физиками. Мои воспоминания о зарубежных физиках / А.Ф.Иоффею – М.: Гос. изд-во физ.-мат. лит., 1962. – 143 с.
18. Капица, А.А. О нашей жизни в Кембридже, Москве и на Никольской горе / А.А.Капица // Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы; сост.: Е.Л. Капица, П.Е. Рубинин. – М.: Наука, 1994. – С. 64 – 89.
19. Кен, О.Н. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами / О.Н.Кен, А.И.Рупасов. – СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2000. – Ч.1: 1928 – 1934 гг. – 704 с.
20. Ковда В. III Междунар. конгресс почвоведов / В.Ковда // Вестник АН СССР. – 1935.– № 10. – С. 9 – 24.
21. Корнеев, С.Г. Советские ученые – почетные члены научных организаций зарубежных стран / С.Г.Корнеев. – М.: Наука, 1981. – 303 с.
22. Космач, Е.Н. Англо-советские научно-технические и культурные связи в 1917 – 1931 гг.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.03 / Е.Н.Космач. – Минск, 1984. – 210 л.
23. Коштыянец, Х.С. О значении XV Междунар. физиолог. конгресса / Х.С.Коштыянец // Вестник АН СССР. – 1935. – № 11. – С. 21– 30.
24. Кузьмин, М.С. Английское общество культурной связи с СССР / М.С.Кузьмин // Вопросы истории. – 1966. – № 2. – С. 204 – 206.
25. Личное дело Капицы П.Л. // Архив Рос. акад. наук (АРАН). – Фонд 411. – Оп. 3. – Д. 445.
26. Майский, И.М. Воспоминания советского посла: в 2 кн. – Кн. 2: Мир или война? / И.М.Майский. – М.: Наука, 1964. – 539 с.
27. Материалы к истории Академии наук за советские годы (1917 – 1947). – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 616 с.
28. Международные научные связи Академии наук СССР. 1917 – 1941: сб. док. / Рос. акад. Наук, отдел истории, Архив РАН; сост. Ю.А. Панцырев. – М.: Наука, 1992. – 368 с.
29. Митрякова, Н.М. Международные научные связи Академии наук СССР в 30-е гг. / Н.М.Митрякова // История СССР. – 1974. – № 3. – С. 47 – 62.
30. Мыщик, Л.Н. Советско-британские научные связи в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) / Л.Н.Мыщик // Отечественная история. – 1993. – № 2. – С. 183 – 192.
31. «Нет ни пафоса, ни подъема, ни веры». Из дневника В.И. Вернадского. 1932 г. // Исторический архив. – 2000. – № 1.– С. 109 – 129.
32. О командировке В.И. Вернадского за границу // Гос. архив Рос. Федерации (ГАРФ). – Фонд 5446. – Оп. 37. – Д. 31.
33. Организация советской науки в 1926 – 1932 гг.: сб. док. / АН СССР, Ин-т истории естествознания и техники; сост.: Г.К.Большакова [и др.]. – Л.: Наука, 1974. – 408 с.
34. Отчет о работе с иностранцами, посетившими ВОКС в 1935 г. // Гос. архив Рос. Федерации (ГАРФ). – Фонд 5283. – Оп. 3. – Д. 601.
35. Переписка по вопросам командировок научных работников за границу // Архив Рос. акад. наук (АРАН). – Фонд 2. – Оп. 1/1937. – Д. 635.
36. Переписка с Британским музеем Империль институт оф этимологии, научными учреждениями Англии по вопросу книгообмена с советскими учреждениями // Гос. архив Рос. Федерации (ГАРФ). – Фонд 5283. – Оп. 10. – Д. 395.
37. Переписка с научными учреждениями Англии по вопросу книгообмена с советскими научными учреждениями // Гос. архив Рос. Федерации (ГАРФ). – Фонд 5283. – Оп. 10. – Д. 250.
38. Переписка с уполномоченным ВОКС в Англии о расширении культурных связей с английскими научными кругами и о приезде англичан в СССР // Гос. архив Рос. Федерации (ГАРФ). – Фонд 5283. – Оп.3. – Д. 137.
39. Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы; сост.: Е.Л. Капица, П.Е. Рубинин. – М.: Наука, 1994. – 543 с.
40. План (годовой). 1935 г. // Гос. архив Рос. Федерации (ГАРФ). – Фонд 5283. – Оп. 10. – Д. 898.
41. Положение о Бюро книгообмена. Отчеты (квартальные). Переписка о книгообмене с Англией и Америкой. 1934 г. // Гос. архив Рос. Федерации (ГАРФ). – Фонд 5283. – Оп. 10. – Д. 895.
42. Помесячные списки посещаемости ВОКСа за 1934 г. // Гос. архив Рос. Федерации (ГАРФ). – Фонд 5283. – Оп. 8. – Д. 225.
43. Советско-германские научные связи времени Веймарской республики; редкол.: Д.А. Александров [и др.]. – СПб.: Наука. – С.-Петербург. изд. фирма, 2001. – 366 с.

44. Соминский, М.С. Абрам Федорович Иоффе / М.С.Соминский. – М., Л.: Наука, 1964. – 643 с.
45. Списки газет и журналов, отправленных Воксом в Англию и Америку и полученных из-за границы. Статьи, помещенные в журналах Англии и США // Гос. архив Рос. Федерации (ГАРФ). – Фонд 5283. – Оп. 3. – Д. 888.
46. Стенограмма заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 09.06.1934. Пр. № 8 // Рос. гос. архив социально-полит. истории (РГАСПИ). – Фонд 17. – Оп. 3. – Д. 946.
47. Стенограмма заседания Президиума КАН с докладом Рубинштейна об участии советской делегации в работе Междунар. конгресса по истории науки и техники в Лондоне (1 авг. 1931 г.) // АРАН. – Фонд 350. – Оп. 1. – Д. 427. – 28 л.
48. Шафрановский, К. Иностраные периодические издания в АН СССР / К.Шафрановский // Вестник АН СССР. – 1934. – № 11 - 12. – С. 86 – 87.
49. Manchester Guardian. – 1931. – June 30.